

ГЛАВА 1

Проактивный рекрутинг

— ...Опыт ухода от слежки спецслужб более десяти лет, уверенное использование холодного и огнестрельного оружия в рамках компетенции, знание мертвых языков на уровне допроса, устойчивость к основным магическим ядам как плюс, наличие прав на убийство дракона... Это точно учитель?

— Поверьте моему стажу, эти навыки чрезвычайно полезны для работы в одиннадцатых классах.

— А почему на фотографии штамп «В розыске»?

*Из обсуждения кандидатуры соискателя на еженедельной планерке в интернате АСИМ**

Лысеющий толстяк с роскошными усами продолжал крайне добродушно улыбаться обмотанному цепями Игорю, но в сочетании с ледяным взглядом это несколько обескураживало. Лицо мужчины казалось смутно знакомым, однако сфокусироваться не получалось: усач сидел за столом

* ГАОУ ВПО СУНЦ АСИМ — Государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования специализированный учебно-научный центр *Abeunt studia in mores*.

прямо напротив и лампа, стоявшая от него по правую руку, нещадно била в глаза. Все с тем же радостным нетерпением он переспросил:

— Ну, Игорь Октябриевич, чего же мы ждем?

— Лично я жду, когда бредить перестану.

Похищенный слесарь сощурился и как бы невзначай перевел взгляд на скрещенные на столе руки собеседника: ногти короткие, округлой формы, совершенно черные. Плохой знак.

Толстяк притворно вздохнул:

— Не прибедняйтесь. У столь многообещающего молодого человека светлое будущее, и мы надеемся, что вы свяжете его с нашей компанией.

Молодой человек сорока трех годиков не сразу понял, что речь о нем.

— Вы меня простите, конечно, но вы вообще кто? — Игорь и сам поражался, каким вежливым может стать, если приковать его наручниками к стулу.

— Ох, что же я в самом-то деле? Тимофей Иванович Котов-Шмулинсон, завуч по учебно-воспитательной работе в интернате АСИМ.

«Хана мне», — подытожил Игорь. Худшие догадки подтвердились. С ним общался самый настоящий людоед, пусть и в многовековой завязке, а подобное времяпрепровождение лично у Игоря никогда не ассоциировалось со светлым будущим. Тимофей Иванович пошевелил усами и продолжил, не снижая градуса радости и лучезарности, словно общаясь со смертельно больным:

— Может быть, чаю? Или вы предпочитаете кофе?

— В такой ситуации я предпочел бы виски, — с мрачной уверенностью отчеканил Игорь.

— Ох, ну что же вы! У нас не пьют в принципе, — отмахнулся завуч.

— Частично это объясняет, почему для собеседования приходится похищать людей...

Тем временем мозг пленника лихорадочно пытался осознать происходящее. В детстве вместе с бесценными рекомендациями носить зимой шапку, доедать суп и не дразнить сестру он получил от родителей еще одну — никогда не связываться с людоедами. Ежедневно варясь в мире нечисти, они четко понимали, какую мудрость передать сыночку. Но откуда в России взяться нечисти, спросите вы? Что ж, попробуем разобраться.

Любые попытки подробно описать мироустройство рано или поздно приводят к тому, что взгляд слушателя стекленеет, а кивает он не столько твоим словам, сколько некой песенке в своей голове. Поэтому давайте попробуем взглянуть на ситуацию под менее научным углом: забудьте «пузырьки шампанского», теорию струн и мультиверсум. Представьте ванну.

Ладно, чугунная ванна — это не очень-то и впечатляющее зрелище, но добавим немного горячей воды, пену, часик свободного времени — и вуаля, картинка становится в разы приятней. И вот теперь, когда мы расслабились, физика нанесет свой коварный удар.

Возьмем пузырек пены побольше. Вода, на поверхности которой он расположен, — это магия мироздания. Спокойная, теплая, глубокая. Пузырь — наш мир. Он определенно связан с магией, но друг в друга они не проникают. Мир-пузырик держится на хрупком балансе своих стенок, то есть физических законов, порожденных в том числе и магией-водой. А мы, если захотим, сможем просунуть в него палец со стороны воды: граница двух сред вполне проходима.

Сопоставив воду с магическим миром, пузырь — с нашей реальностью, а магических существ — с пальцем, мы

получим примерное представление о том, что откуда взялось и почему так получается.

А теперь попробуйте засунуть два пальца. А теперь три. А теперь... а нет, пузырь уже лопнул. Переизбыток магических существ приведет в нашем мире примерно к тому же: давление на нежную реальность усилится и в какой-то момент может случиться бах: чем больше магии в одном месте, тем выше шанс, что нежные физические законы нарушатся и наш мир очаровательно размажет по миру магическому. Не сказать чтобы хоть кого-то такой исход радовал: все-таки люди сделали свой мир чрезвычайно приятным местом и никто не готов променять вайфай на возможность быть съеденным драконом. Особенно на это не готовы те, кто жил когда-то в пещерах неподалеку от драконьих гнезд, а теперь умеет качать сериалы с торрентов.

Исключительно плотоядные флора и фауна мира магического, обычно называемого просто Лесом, всегда были прекрасным стимулом для эмиграции, и бóльшую часть человеческой истории нечисть прикладывала максимум усилий, чтобы попасть в человеческий мир и обратно не возвращаться. Хоть отсутствие стабильного магического фона и приводило к постепенному ослаблению потомства, но так ведь то у потомства, рожденного по эту сторону. Прибывшие же непосредственно из Леса отличались непомерной силой и неприятным долгожительством. К примеру, древнейшие оборотни, представители Старшей крови, в большинстве своем разменяли по паре тысяч лет и массово практиковали в своей богатой на приключения молодости не только социально одобряемые модели поведения. Вот и похититель был из таких. Кот-баюн. Пренеприятнейший тип.

Из размышлений Игора вывели все та же наигранно радужная улыбка и вежливое постукивание ручкой по столу:

— Вы не могли бы ответить на несколько вопросов? Необходимо кое-что уточнить в резюме, прежде чем мы подпишем контракт.

Бывший богатырь откашлялся и решил зайти издалека:

— Послушайте, я себе не враг и готов сотрудничать. Только объясните, что здесь происходит и на кой черт я вам понадобился.

Толстяк притворно заохал:

— Игорь Октябрьевич, полно вам! Мы уже давно ищем ответственного специалиста с богатым практическим опытом, нетривиальным взглядом на предмет и, чего уж тут скрывать, педагогическим зудом.

— Прекрасно, но у меня ни одного подходящего телефончика. Не пробовали по старинке — объявление разместить?

— Но вы просто созданы для БЖД!

— Белорусские железные дороги?

— Безопасность жизнедеятельности.

Богатырь в бегах мысленно промотал всю жизнь назад. Потом еще несколько раз. Нет, безопасностью там и не пахло.

— Это какая-то ошибка. Я могу о чем-то разузнать, куда-нибудь проникнуть, ну или что-то выкрасть, наконец. Но в чем я совершенно и точно уверен — я не могу учить детей.

— Если это единственное, что вас смущает...

— Ни капли не единственное! Я вообще-то в цепях.

— Да-да, чувствуйте себя как дома. Так вот, волноваться не надо: ваша задача — передать деткам свои навыки. Полагаю, даже неудачные попытки все равно здорово обогатят их внутренний мир.

Игорь оторопел. Обогащать внутренний мир малолетних вампиров и обратной навыками слежки, взлома

и ближнего боя он точно не планировал никогда в жизни. Да и свой, впрочем, тоже не стал бы, если бы не родители...

Не подумайте ничего дурного, родители Игоря были абсолютно добропорядочными, скучными офисными богатырями, занятыми в основном обработкой миграционных документов. Собственно, их семья хоть и вела отсчет еще со времен инквизиции и считалась одной из старейших среди богатых родов, но уже многие ее поколения не участвовали в оперативной работе и славились разве что своей педантичностью. Одно только упоминание фамилии Барановых убедило многих не подавать документы конкретно сегодня, а в особо ударные недели — вообще никогда не подавать.

Вполне понятно, почему, принимая решение об участии в оперативной работе, молодой Игорь в первую очередь руководствовался призрачной надеждой хотя бы во время службы не находиться с родными в одном помещении. Рассуждал он здраво: да, от зелий по «бабулиным рецептам», щедро вливаемых для придания особых способностей будущим богатырям-оперативникам, часто бывает побочка на морду лица, но ему — и так представлявшему собой лысеющую помесь Чужого с птеродактилем — терять было нечего. Как выяснилось, кроме гордости: хоть никаких метаморфоз во внешности в итоге и не случилось, большинство коллег сочли, что именно ему, бедному, больше всех от зелий и досталось.

Поначалу выбор карьеры казался верным: ретивого парня, всегда первым вызывающегося на любые выезды, лишь бы подальше от штаба, заметили. Благодаря природной смекалке в совокупности с полной неспособностью обрасти личной жизнью его наградили почти круглосуточными сменами, и за три года Игорь дослужился до майора — из алешковичей перешел в добрыничи. А потом все

накрылось медным тазом в форме женского полового органа: ситуация, которая вначале вообще никак не касалась самого Игоря, развилась по худшему из сценариев — и вот он почти двадцать лет в бегах и от богатырей, и от нечисти, и от родной милиции, честно пригревшей в своих рядах и тех, и других. И когда, казалось бы, он залег на дно, его с этого дна достают, отряхивают, обматывают цепями и радостно предлагают работу на виду у всего мира. Лучшее б сразу сожрали, честное слово.

Но упоминать о таком варианте развития событий Игорь не стал, а попытался возвать к разуму:

— Серьезно, на кой хрен это вашим ученикам? Решили провести ребрендинг, и теперь у вас лагерь «Веселый шахид»?

— Семья распалась, — совершенно похоронным голосом ответил Тимофей Иванович.

— Мои соболезнования, но хорошего адвоката посоветовать не смогу.

— Игорь Октябрьевич, не ерничайте. Вспомните девяностые. Благодаря Семье стало поспокойнее, но ее больше нет, а кому, как не вам, знать, сколь быстро ситуация склонна ухудшаться при отсутствии сдерживающих механизмов. Первые ласточки уже появились, — на этих словах завуч многозначительно пошевелил бровями.

— Я вас умоляю. По-вашему, что, стадо малолетних вампиренышей и оборотней себя от людей защитит не сможет?

Тимофей Иванович отмахнулся:

— Речь не о людях. Госпожа директор видит угрозу шире. И сочла, что сейчас самое время внести несколько изменений в учебный процесс. Одно из них — вы.

Складывалось стойкое впечатление, что Игорь бьется лбом о стену.

— Идите Лесом! Какой из меня преподаватель?

— Утвержденный лично госпожой директором на основании вашего резюме. Которое, замечу, было довольно непросто составить, что делает вам честь в вопросах защиты информации. Но вернемся к делам. По шкале от одного до десяти оцените вашу готовность на пять лет отказаться от курения, спиртных напитков и матерной брани.

Пленник начал закипать:

— Пять лет без сигарет и мата в компании училок? Всю жизнь мечтал.

— Добро пожаловать в интернат АСИМ. Мечты сбываются! — людоед вновь широко заулыбался, словно включил внутреннюю лампочку, и скрупулезно поставил галочку напротив отметки «десять».

— Может, наконец развяжете меня?

— Ну-ну, сбываются, но не так же быстро... Итак, каким вы себя видите в нашей компании через пять лет?

— Трезвым и злым.

Тимофей Иванович записал и этот ответ. Бывший богатырь поморщился:

— Послушайте. Мне кажется, вы несколько недопонимаете масштаб проблемы. Даже если я соглашусь — как вы это представляете? За мной бегают все известные спецслужбы и даже парочка таких, о которых я раньше не слышал. Стоит согласиться — в тот же день дверь откроют ногой и меня под белы ручки выведут в менее образовательное казенное учреждение.

Старый оборотень отложил ручку и принял максимально напыщенный вид. С парадоксальным смирением Игорь понял, что сейчас последует очередная лекция.

— Мы по-прежнему интернат АСИМ. Вероятно, вы не были в курсе — признаться, порой даже мне сложно отследить все касающиеся нас законодательные акты,

вышедшие за последние пару тысяч лет, — но директор имеет право принять на работу даже преступника. И на время исполнения обязательств перед интернатом подобный сотрудник находится вне юрисдикции любых организаций. А после... Полагаю, это будет демонстрацией одного из ваших восхитительных навыков исчезновения среди бела дня, о которых я наслышан. Ничего сложного.

— А с чего вы вообще взяли, что остальному миру не плевать на эти ваши акты глубокой древности?

Котов-Шмулинсон игриво сощурился:

— Молодой человек, а как вы думаете, почему здесь работаю я?

Игорь открыл рот. Игорь вежливо закрыл рот. Завуч продолжал:

— Конечно, некоторые проблемы бывают. Все-таки желающих вздернуть заслуженного педагога на ближайшем дубу обнаружилось до огорчения много. Но пара слов директора — и окружающие становятся просто восхитительно понимающими людьми. Ну да, съел кого-то из прапрапрадедов, так что же? Не лишать же детей из-за этого уроков истории.

— Железобетонная логика.

— Естественно. Но, к сожалению, мы выбиваемся из графика. Не возражаете, если я продолжу?

— А если возражаю?

— В таком случае вынужден буду убедительно склонить вас к сотрудничеству. — Казалось бы, при этих словах Тимофей Иванович просто размял руки, пошевелив в воздухе пальцами, но Игорь успел уловить блеск мелькнувших стальных когтей.

— Я готов продолжить.

— Прекрасно. Итак, по какой причине вы ушли с предыдущего места работы?

Темный зал, очерченный на песке круг. Крики, кровь. Огромный смуглый мужчина падает на пол и больше не поднимается. Радостный лай. Дикий рев. Игорю было что терять, и он не вмешался. Всем было что терять, и не вмешался никто. Один против пятерых. Трех одолел. Но не последних двух. Если бы помог хоть кто-то...

Крик сестры. К ней идет поджарый блондин в черной косухе. Игорю по-прежнему есть что терять, но терять сестру — страшнее. Выступает вперед. Все равно всё испортил, карьерист хренов. Не уберег. Спасай, что осталось.

Моргнув, бывший богатырь вернулся в реальность:

— Из-за трусости.

— В документах сказано, что вы выбили клык вожаку волкодаков, — с подозрительно вежливой улыбкой отметил Котов-Шмулинсон.

— А вот это уже был трезвый расчет.

— Интересно, интересно, — пробежав глазами по бумагам, он продолжил: — Ваш главный недостаток?

— Нефотогеничен.

— А главное достоинство?

— Дважды смог перепить медведя.

— Как вы узнали о вакансии?

— Внезапно и против своей воли.

— Почему решили оставить ту работу, которая есть у вас сейчас?

— Я и не собирался.

— Чем вы любите заниматься в нерабочее время?

— Спасать свою задницу.

— Почему считаете, что подходите на эту должность?

— Я так вовсе не считаю!

Толстяк все тщательно записал, закрыл папку и радостно откинулся в кресле:

— Вот видите, как быстро мы управились благодаря вашей покладистости. Так-так, даже чуть раньше уложились. Полагаю, вы бы хотели перекусить?

— Очень, — Игорь не раздумывал ни секунды. Для еды ему нужны будут руки. Хотя бы одна рука. А это шанс на спасение.

Завуч встал, аккуратно задвинул за собой стул и ушел в соседнюю комнату. Что-то зашуршало. Вскипел чайник. Игорь терпеливо ждал, внимательно разглядывая комнату и оценивая пути к отступлению. Решеток на окнах нет, но черт его поймет, какой это этаж, прыгать не разобравшись нельзя. Деревьев не видно. Дверь одна, открывается внутрь. Замок есть, но скорее для вида, такой не удержит. Оружие? Лампа. Стул. Телефон-трубка. Найти бы базу, тогда проводом можно удушить. О, да на столе целое богатство — набор перьевых ручек. Жаль, что нет ножниц. Самая уязвимая часть кота — усы. Придется выкручиваться тем, что есть. Кажется, из кармана не вытащили зажигалку. Шансов мало, но рискнуть можно. Главное — освободить хотя бы одну руку.

Когда Тимофей Иванович вернулся в комнату, у Игоря уже созрел план. Стараясь не выдать себя, он продолжал понуро сидеть на стуле, покуда завуч с тарелкой и ложкой не подошел и, зачерпнув овсянку, не поднес ее ко рту узника.

Только тут Игорь понял. Почему-то вариант, что один взрослый мужик будет кормить другого с ложечки, в голову вообще не пришел, хотя в этой цитадели абсурда ждать иного было воистину наивно. Бывший богатырь смиренно проглотил первую порцию. Усатый зачерпнул еще:

— Ложечку за маму. Вот так, хорошо. Ложечку за папу. Чудесно. За сестренку ложечку...

— Сколько мне, по-твоему, лет?

Оценивающе оглядев Игоря, Котов-Шмулинсон продолжил как ни в чем не бывало:

— Ложечку за пенсионную реформу. Ложечку за предстательную железу.

В кабинете зазвонил телефон. Пленник и его заботливая нянечка переглянулись.

— Вы не против, если я отвечу?

— Вперед, ирод.

Сняв трубку, упитанный мужчина вытянулся по стойке смирно:

— СУНЦ АСИМ, завуч Котов-Шмулинсон слу... О, Альма Диановна! А мы как раз о вас вспоминали. Скоро ли вы заберете у меня этот очаровательный сгусток уныния? Чудесно, чудесно. Да, как раз кормлю. Очень ждем. — И, положив трубку, промурчал: — Через десять минут госпожа директор нас примет. Не забудьте манеры и то, как чудесно мы с вами сдружились за этот день.

Методично запихнув оставшуюся овсянку в Игоря — слава богу, уже без прибауток, — завуч совершенно без зазрения совести вылизал тарелку, утер усы и вдруг легко забросил пленника себе на плечи, словно тот весил не больше листа картона. Намурлыкивая под нос что-то про сердце красавицы, запер кабинет и понес Игоря по большому светлому коридору. Красный ковер практически полностью глушил звук шагов, и слышны были только сопение Игоря, лязг цепей и порядком надоевшая песенка. У совершенно совкового вида двери с надписью «Директор» толстяк остановился, вытянулся, насколько позволял пленник на плечах, и постучал. Низкий женский голос велел заходить, и через пару мгновений мир Игоря перевернулся, потом еще раз, и он оказался на стуле перед директрисой.

То была женщина высокая, мощная и седая. Фигура ее напоминала раздобревший прямоугольник, пучок

кудрявых волос на макушке и тонкие очки на цепочке подавляли своей официальностью. Красный лак на ногтях, суровый прищур выцветших глаз, темно-фиолетовая юбка и огромный серый свитер грубой вязки накрепко впечатывались в головы учеников как предвестник проблем. Альму Диановну побаивались все и всегда. Поговаривали, что даже Тимофей Иванович не знал точно, сколько ей лет, но, по слухам, именно она приложила лапу к Ромулу и Рему. Альма Диановна тоже постоянно улыбалась, но эта улыбка навела исключительно мысли об оскале. Госпожа директор умела вызывать в людях очень разные эмоции, но спокойствие в этот список точно не входило.

Она несколько раз моргнула, глядя на сияющего Тимофея Ивановича и раскрасневшегося Игоря. Потом вздохнула и как-то чрезмерно буднично поинтересовалась:

— И давно у нас теплый прием сопровождается цепями и наручниками?

— Так он бы меня в противном случае и слушать не стал, стикал бы при первой возможности. Что мне, носиться за ним?

— Вопрос, конечно, резонный. Будь добр, освободи юношу и оставь нас наедине.

Котов-Шмулинсон отдал начальнице резюме с пометками, засуетился, снимая наручники и разматывая цепи, после чего, тихонько позвякивая, удалился. В кабинете они остались вдвоем.

— Полагаю, мой зам ввел вас в курс дела?

— Скорее, в ступор. Почему я?

Директриса сняла очки и устало потерла переносицу.

— Выражаясь современными идиомами, вы видели в жизни некоторое дерьмо. Преподаватель, верящий в то, что добро всегда побеждает, угробит моих деток. Нужен тот, кто не просто будет говорить, что мы все умрем, — кто

будет в это неистово верить и стараться всеми правдами и неправдами протянуть еще день-другой. Эти дети никогда не сталкивались с опасностью. Это может их погубить.

— А не похрен ли вам? Отучили — и всё, вы за них ответственности не несете.

— Ошибаетесь. Именно потому, что я берусь их учить, ответственность за них несу тоже я.

Повисло тягостное молчание.

— Всего пять лет, да?

— Целых пять лет, мой дорогой. Давайте не начинать со лжи друг другу.

— Я ж никогда никого ничему не учил, как я вообще это буду делать?

— Если вы уже задаетесь этим вопросом, значит, вполне готовы найти на него ответ.

— Издеваетесь?

— Отнюдь. Когда начинала я, педагогики еще не существовало. Было только желание орать на человека, пока он не поумнеет.

Сидя перед старой волчицей, Игорь прекрасно понимал, что момент для побега упущен. Альма Диановна отлично умела идти по следу и, без сомнения, настигла бы его в любом случае. Против баюна шансы были. По крайней мере, в сказках его побеждали, насколько Игорь помнил. Но директрису...

Та словно читала его мысли:

— Полагаю, вы готовы обсудить организационные моменты?

— Я осознал, насколько глубоко вляпался. Хотелось бы теперь понять во что.

— Все условия будут прописаны в рабочем контракте. Ваш — на пять лет без права увольнения по собственному

желанию. Предвидя вопрос — да, я разорвать контракт могу, и нет, пытаться повлиять на это через жалобы детей не стоит. Вам полагаются полный пансион и проживание на территории интерната в собственном коттедже. Покидать интернат можно лишь в двух случаях: при посещении ближайшего тренировочного полигона — это торговый центр, не надо делать такие глаза — и при методической работе на местности. Для последней необходима служебная записка на мое имя. На территории интерната не должно быть никакого мата по понятным вам причинам.

— Я думал, вы отстроили свои хоромы на магически нейтральной территории, — несколько удивился бывший богатырь.

— И вы абсолютно правы. Но поскольку в одном месте сконцентрировано слишком много довольно специфических существ, проверять крепость ткани мироздания осколками от первичных заклятий перехода я бы не стала. Мало ли что может нас услышать.

— Радует, что у запрета иное обоснование, чем «У деток ушки завянут».

Под взглядом директора он осекся. Выдержав паузу, Альма Диановна продолжила:

— По этой же причине запрещены спиртные напитки — под их действием вы становитесь слишком убедительным слесарем. Договор вступает в силу с двадцать восьмого мая, за лето вам надо составить программу обучения. Перевожу на русский: хотя бы примерно понять, что собираетесь делать. Зарплату мы установим в размере... — Директор открыла верхний ящик стола, достала явно еще Брежнева выдавший калькулятор с большими кнопками и начала считать. Потом развернула калькулятор к Игорю. Тот несколько растерялся от количества нулей:

— Вы точно не ошиблись? — решил на всякий случай уточнить будущий педагог, справедливо полагая, что расценки могли быть и в зимбабвийских долларах.

Директор развернула калькулятор к себе:

— Все верно. Стандартная ставка за месяц.

На этой фразе Игорь очень аккуратно окаменел. Меркантильным он никогда не был, но тридцать лямов — это тридцать лямов. Приятно встретить человека, знающего цену трезвости.

Альма Диановна продолжала:

— И самое главное. По всем документам наш интернат находится на военном положении. Всегда есть древние силы, которые хотят отомстить лично мне. Всегда есть темные жрецы, мечтающие прирезать кого-то из деток. Всегда есть проблемы. Педагогический коллектив в полном составе несет ответственность за жизнь и здоровье учащихся. И осуществляет месть. Старую добрую кровную месть, если по какой-то причине защитить учащегося не получилось. Как преподаватель вы будете встроены в охранную систему школы, что в том числе означает периодические дежурства по периметру с коллегами. С расписанием сможете ознакомиться в учительской.

— Дежурства по периметру? Это точно не «Веселый шахид»?

— Сударь, как вы сможете лично убедиться, и мы, и вверенные нам дети вызываем у окружающего мира повышенный интерес. Большинство из них — потомки выживших учеников моей же школы, и все надеются на продолжение этой славной традиции.

— А что насчет невыживших?

Директор и ухом не повела, доставая из шкафа огромную стопку бумаг:

— За невыживших я платила сторицей. Итак, ваша копия договора, устав интерната, правила внутреннего трудового распорядка, положение об управляющем совете, правила внутреннего распорядка обучающихся, карта территории, положение о порядке приема, перевода и отчисления, положение о режиме занятий обучающихся, положение о языке обучения, положение о внутриобъектном и пропускном режимах... — заметив, что Игорь ухмыляется, директор остановилась и выжидательно на него посмотрела. Он ткнул пальцем в устав:

— Вам настолько нужен был людоед, что статью про неподсудность преподавателей ввели аж первым пунктом?

— Молодой человек, я женщина прагматичная. Упомянутая статья фигурирует в уставе школы за номером один только и исключительно потому, что в противном случае преподавать не смогла бы я сама.

Свежеиспеченный участник педагогического коллектива насторожился:

— А кроме вас с завучем кто-то еще под действие этого пункта подпадает?

— Да.

Ничего хорошего в этом «да» он для себя не услышал.

— Перефразирую. А хоть кто-то не подпадает?

— Библиотекарь, — и глазом не моргнув, тут же ответила директор. Игорь почувствовал, как волосы на руках встали дыбом.

— Стоп-стоп-стоп. Чуваки, по которым тюряга плачет, учат деток манерам? Я правильно понял концепцию?

— Скорее, наш богатый опыт заслуживает, чтобы его передавали далее вне зависимости от преходящих веяний гуманизма.

Но бывший богатырь все еще не понимал:

— Если тут все такие крутые, почему учить детей должен я?

— Не сочтите за грубость, но как раз потому, что мы очень крутые, если пользоваться вашей терминологией. Сильные. Древние. Большинству обучающихся таковыми никогда не стать, а значит, наши методы не сработают. Нужен иной подход. Вы слабее любого ученика, но способны выйти победителем из боя. Не благодаря грубому превосходству, но при помощи точного расчета, предусмотрительности и толики удачи. Если уж человек может, смогут и они.

— То есть вы банально взяли лучшего из худших?

— Скорее лучшего из лучших, просто с конца списка. Будьте добры, поставьте подпись кровью вот здесь и вот здесь...

На нож Игорь уже и не надеялся, но, когда его аккуратно взяли за мизинец и надрезали маленьким стеклышком, словно брали кровь из пальца, стало еще обиднее. Никаких шансов даже на попытку побега для успокоения собственного достоинства.

В нижней части листа с мелким шрифтом и большой печатью ГАОУ ВПО СУНЦ АСИМ с эмблемой волка, пожирающего солнце, теперь стоял его кровавый отпечаток. Почти что договор с дьяволом. Директор протянула бумажную салфетку:

— На всякий случай напоминаю, что наш интернат был специально создан для того, чтобы нечисть могла свободно интегрироваться в человеческое общество, не вызывая подозрений. Главные правила: все учащиеся и преподаватели должны постоянно пребывать в человеческом облики. Раскрывать кому бы то ни было свою истинную сущность во время учебного процесса строжайше запрещено. С этого года правила несколько меняются, но только на ваших

занятиях. Задача — не важно, какими средствами, но заставить детей познать свои силы. При этом не все... — тут в дверь постучали. Хотя даже скорее постучали дверью, поскольку незваная гостя распахнула ее настежь и, вперив тяжелый взгляд в мужчину, поинтересовалась:

— Альма Диановна, списки на этот год все-таки утверждены? Это же катастрофа! Вы кого понабрали? Прошлый был непростой, так давайте в этом выкрутим проблемы на максимум?

Директор спокойно представила:

— Ипполита Найтмаровна, знакомьтесь, наш новый коллега Игорь Октябрьевич. Игорь, знакомьтесь, Ипполита Найтмаровна. Так вот, дорогая моя, у нас каждый год непростой. Игорь Октябрьевич в меру своих сил поможет его пережить.

Бывший богатырь попытался хотя бы кивнуть. Нарисовавшаяся в дверях дамочка словно явилась из самых заветных его снов, причем тех, о которых не принято упоминать в приличном обществе. Высокие военные сапоги. Черные брюки в тонкую белую полосу идеально подчеркивали роскошные ноги. Пепельные волосы сплетены в огромную косу через плечо. Полногрудая и крутобокая, в полурасстегнутой рубашке с подтяжками, с мундштуком, в очках с красной роговой оправой — она была чрезмерно восхитительна. «И наверняка тоже кого-то прикончила», — с мрачной обреченностью вернул он себя к реальности. К сожалению, внезапный восторг ничем не лучше алкоголя, и десять лет в компании автомобильных двигателей дали о себе знать. Восхищенный, Игорь выматерился. Точнее, попытался.

— Эпическая сила канделябров! Просроченный йогурт! — он с некоторым удивлением осознал рассинхрон своих мыслей и слов. В недоумении повернулся к директору.

— Как вы понимаете, мы многим рискуем. Подписав контракт, вы стали частью охранной системы. Охранной от мата в том числе.

— Вы используете магию? Сдурели, что ли? — У Игоря на глазах рушились последние оплоты детских представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо.

— По-вашему, есть некая грань, после которой родители скажут: «Все, это уже чрезмерная защита для моего ребенка. Выживаемость восемьдесят процентов вполне подойдет»? То-то и оно. Мы лучшие. У нас карт-бланш.

Игорь со стоном схватился за редеющие волосы, директор принялась за рассказ о функционале охранных систем, а красотка с мундштуком, закатив глаза, ушла, так и не объяснив сути своих претензий.

Тем же вечером Тимофей Иванович решил пойти ва-банк. Облачившись в лучший свой костюм и приоткрыв на секунду рядом с собой флакончик одеколona, он на всякий случай еще раз перепроверил, что в учительской все готово — приглушенный свет, романтическая музыка и легкий ужин смиренно дожидались своего часа. Заперев дверь на ключ, пошел в директорскую — было кое-что, что могла дать ему сейчас только одна женщина на свете.

Вежливо постучал, тщательно рассчитав силу и интервалы — не хватало только сразу испортить ей настроение и тем самым загубить вечер. Войти разрешила, но раздраженным голосом. Решив не принимать это на свой счет, Тимофей Иванович аккуратно просочился в кабинет и застал Альму Диановну за чтением личного дела новенького сотрудника. Несколько раз вежливо кашлянув, попробовал разрядить обстановку:

— Вы его сегодня в первый раз видели?

— В четвертый, если быть точным. Юноша знатно отметился в трагедии Потапова.

— Интересно, интересно. Но все-таки решили взять к нам?

— Да.

— Могу я поинтересоваться почему же?

— Семейные рекомендации.

Помолчали.

— Он хотел мне усы спалить.

— О, как мило. А меня ножом пырнуть.

— Но тут же нет ножей?

— Да. И это мальчика очень расстроило.

Почувствовав, что Альма Диановна несколько смягчилась, Котов-Шмулинсон решился перейти в наступление:

— Деток всегда так жаль разочаровывать. Быть может, вы и мне не откажете в удовольствии провести этот вечер вместе?

— Ты все никак не успокоишься?

— Помилуйте, Альма Диановна! Мы с вами взрослые люди и, казалось бы, выросли из намеков, но нет, я каждый раз, словно безусый котенок, мнусь и робею перед вами при одной лишь мысли о... сами знаете чем.

Старая волчица вздохнула. Ее зам был хорош: иногда его даже не хотелось убить, и это она почитала за большой плюс. Но все-таки как же он порой надоедал. Каждый день одно и то же.

Хоть она и решила для себя, что марафон добрых дел на сегодня закончен, но он на нее так жалобно смотрел...

— Вино приготовил?

— Ваше любимое. И подкопченный камамбер с вяленой зайчатинной.

Директор вздохнула. Видимо, ничего не поделаешь.

— Ладно, так уж и быть — пошли обсуждать новую систему тендеров.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

